

© 2002 г.

Д.Н. ЗАМЯТИН

ОБРАЗЫ ПУТЕШЕСТВИЙ: СОЦИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

ЗАМЯТИН Дмитрий Николаевич -докторант Института географии РАН.

Современная социология, помимо "социологии путешествий" [1], отводит много места пространственному аспекту своих построений. Мобильность, топология, "габитус", пространственно-временной континуум, коммуникации и другие категории этого смыслового ряда постоянно фигурируют в теоретических концепциях социологов и в практике прикладных исследований, как и в антропологии, культурологии, кросс-культурных исследованиях и т.д. Многие аспекты, однако, современного социального знания об освоении - физическом и умственном - человеком пространства (в прошлом, и, что важнее, настоящем и будущем) несут в себе географическую специфику, которая и стала предметом моей статьи.

Географическое пространство - это результат процесса осмысления (по своей сути социального) земного пространства, выделения и формирования наиболее важных

образов, стереотипов восприятия пространства. Путешествия расширяют сознание, обостряют чувства. Энергетика эмоций в ходе путешествия заводит моторы возможного восприятия. В ходе путешествия человек видит и чувствует по-другому, "расширяя" пространство. Это емкие, зыбкие и изменяющиеся образы [2], что видно на примере образов пространства в средневековой Европе [3]. Средневековые авторы, "завязанные" на христианские, библейские представления, исходили из космографии христианства с ее пристрастием к умозрительным концепциям и положениям. Фактография античных историко-географических сочинений "подгонялась" под логику этих представлений. Образы пространства включали античные подробности о людях с песьими головами, о невыносимой жаре на экваторе; неизвестные народы окраин Европы получали названия древних племен, обитавших там. Боэций, Исидор Севильский, Альфред Великий, Фома Аквинский заботятся о том, чтобы встроить античный "географический салат" в картину мира христианина. Эта картина европоцентрична, она явно уже ойкумены античности. Чем дальше от освоенных в средние века земель, тем больше представления европейца тех времен напоминают античные образы в христианской "упаковке" - аналог книги А.И. Плигузова, разобравшего представления русских о Сибири конца XV в. [4].

Представления в средние века - не просто география, а мировоззрение, структура пространства - идеология, образ времени и мироустройства. Эта структура была локусной, точечной. Путешественники как бы проглатывали расстояния, описывая лишь остановки [3, с. 12, 14]. Ориентация в пространстве затруднена и часто (пример - древняя Исландия) опирается не на стороны света, а на административное деление страны, откуда движется путешественник [3, с. 196-197]. Топонимы подвижны и неустойчивы. Карта пространства позволяет различить лишь контуры малоизвестных и незнакомых ландшафтов.

В целом, процесс формирования социального пространства основан на создании пространственности [5] и опространствлении [6]. Создание пространственности связано с изменением принципов характера человеческого восприятия. Каналы восприятия нацеливаются на фиксацию объемов, расстояний и дистанций до объектов и событий; отношение к ним формируется дистанцией наблюдения. Изменение дистанции меняет характеристику события и даже событие. Событийность понимается как развитие пространства, как пространственность сама по себе. Пространство со-чувствует бытию, бытие чувствует себя в пространстве и пространством [7].

Опространствление - выработка позиции, позиционирование по отношению к пространству. Земное пространство становится феноменом. Результат опространствления - феноменология пространства. Опространствление вырабатывает приемы наблюдения, позиции взгляда, способы оконтуривания объекта, превращающие пространство в феномен. События, жизнь понимаются как выстраивание пространственных контекстов, рождение и взаимодействие уникальных пространств. Таких пространств много. Они развиваются, взаимодействуют. Это продукты разных опространствлений, разных уровней понимания пространственности.

Две типологии пространств важны в контексте образно-географического исследования социального значения путешествий. Первая - по характеру динамики пространств. В рамках этой типологии выделю два типа. Первый - пространства динамичные, экстенсивные, расширяющиеся. Для них характерны открытость, агрессивность, экспансивность, постоянно меняющиеся границы. Такие пространства - череда, смена образов. Яркий пример - американский *фронтир* [8]. Эти пространства случайны, в них можно двигаться в любом направлении. Они изотропны и готовы к любому событию. Второй тип - нединамичные, статичные, равновесные пространства, пространства освоенные, со стабильными образами, содержание их колеблется вокруг точки образного равновесия. В таких пространствах можно двигаться только по определенным направлениям, а любое событие поддается быстрому опространствлению.

Вторая типология пространств основана на различении внешних и внутренних факторов развития пространств. Иначе - это типология по механизму развития

пространств. Это механизм позиций наблюдателя, характеризующего пространство - внешней или внутренней [9]. Здесь два типа. Первый тип - пространство, формирующееся внешними факторами. Наблюдатель, создающий восприятием такое пространство, находится снаружи. Внешнее пространство формируется в ходе путешествия, когда наблюдатель меняет позицию, все время внешнюю. По этому типу выстраиваются масштабные и глобальные образы стран [10, с. 107-115], континентов. В рамках второго типа наблюдатель занимает внутреннюю позицию, вживаясь в пространство. События привязаны к определенному месту. Их, как правило, не много. Формируются внутренние пространства, - источники локальных образов.

Путешествие отличается интенсивностью движения. Пространство вокруг путешественника фрагментируется им и расщепляется, становясь "пазловым" (англ. - *puzzle* - загадка). "Пазлы" пространства образуют вязкую среду, сквозь которую держится путь. Уплотняемое путешественником пространство сопротивляется. Путешественник видит объемы, "кубы" пространства, раздвигая их своими образными усилиями. Путешествие организует образы пространства. Путешественник движется и в реальном и в образном пространствах. Чем интенсивнее движение, тем взаимосвязаннее эти пространства. Вершина путешествия - тождество реального и образного пространства, рождение образа путешествия. Концепт путешествия - классически географический (и уникальный) образ. В отличие от других образов в нем есть механизмы осмысления пространства, есть свой "двигатель".

Путешествие (как социальная практика) само по себе географический метаобраз. Принципиально важный для понимания особенностей и закономерностей моделирования образов вообще [11], он предполагает исследование образно-географической специфики путешествий как таковых - иногда независимо от первоначальной установки и цели путешествия (туризм, экскурсия, научная экспедиция, торговая поездка и т.д.). В этой связи выделю три аспекта связки "путешествие (концепт путешествия) - образ пространства": 1) специфика образов путешествий, 2) структуры образов путешествий и 3) трансграничные образы, а также рассмотрю образы путешествий в русской литературе, во многом сформировавшейся как литература путешествий.

Специфика образов путешествий

Путешествие способствует созданию целенаправленных географических образов, в структуре которых доля физико- и экономико-географической информации, статистических сведений и т.д. меньше культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей, что ведет к "выпуклости", рельефности, усложненной морфологии образа местности, страны, региона, через которые лежит путь. Такая структура образа означает, что большинство путевых записок, описаний, дневников социально значимы не с точки зрения достоверности сообщаемых сведений и фактов (часто низкой), а с точки зрения силы продуцируемого по ходу путешествия образа [12]. Эти образы, обладая большой мощностью и скоростью развития, структурированы, стратифицированы. В них видны, как геологические породы, слои впечатлений и переживаний. Образы путешествий компактны, просты и надежны, тесно связаны со стереотипами - упрощенными представлениями, выверенными временем. Россия - медведи, клюква, снег, сорок сороков. Франция - Париж, мода, д'Артаньян, вино. Эти образы связаны с реальностью и реагируют на изменения вовне. Но как связаны образы путешествий с образами территорий, через и/или посредством которых рождается путешествие?

Образ территории - сумма представлений о пространстве со специфическими закономерностями развития. На развитие этого образа влияют факторы внутренние: природа территории, история освоения, социальная структура, отрасли хозяйства, расселение, и внешние: географическое положение, роль в истории страны, история восприятия территории и т.д. Деление факторов относительно: один фактор может рассматриваться как внутренний и как внешний (история освоения).

Рассмотрю особенности формирования образа территории в более широком, чем образы путешествий, социальном и культурном контексте миграций, один из видов которых - путешествие. Миграции - важный путь формирования образа территории. При миграции, как правило, представления о пространстве переносятся на территорию, на которой происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и "пришлых" пространственных представлений. В итоге формируется образ территории, включающий эндогенные и экзогенные элементы. Можно говорить о множестве образов территории, в зависимости от того, кто (социальная группа, корпорация, художник, писатель, СМИ) создает и/или является проводником образа территории.

Характер, тип миграции определяет конфигурацию, свойства и структуру образа территории. Миграция писателя, художника на дачу, в деревню может формировать пасторальные образы. При этом сам образ, в зависимости от силы художественного воздействия, может трансформироваться в образ высокого таксономического уровня. Картины Левитана, написанные в Плесе, могут стать образом Средней России, как и Мещора Паустовского. Экономическая миграция на территорию с целью постоянного проживания ведет, как правило, к "размыванию" традиционного, часто архаичного автохтонного образа (культ местного писателя или художника, ученого; сеть краеведческих музеев, призывы к сохранению традиций и исторического прошлого в СМИ) и "космополитизации" образа. Это может быть связано с культурным "снижением" образа (Петербург - "криминальная столица"), с числом его элементов. Образы территории множатся, делаются специфическими, отражая представления о пространстве разных (этнически, социально, культурно, политически "окрашенных") сегментов общества. Свести воедино образы в общий объективный образ территории в данном случае невозможно.

Путешествие играет важную роль в формировании образа территории. Путевые записки, как правило, источник образа территории. Установка путешественника на движение, на восприятие пространства в динамике, необходимость дистанцирования от меняющихся объектов восприятия формируют динамический образ территории со значительным визуальным компонентом. В путевом образе территории велика роль "реактивных" элементов, когда тот или иной ландшафт вызывает у путешественника реакцию, связанную с его базовыми социокультурными представлениями. Классический пример - записки маркиза де Кюстина о России. Путевой образ территории может быть насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может включать память об образах территорий, где родился, жил путешественник, зачастую далеких от района путешествия. По сути дела, это образ-матрешка, аккумулирующий компоненты ряда образов. Образы территории "подвижны". Образ может расширяться, включая реалии соседних территорий и формируя новый, более яркий и мощный образ. Образы территории могут перемещаться со своими носителями, трансформируясь в ходе миграции и влияя на ее траекторию. Украинцы, селясь в конце XIX - начале XX вв. на Дальнем Востоке, стремились осваивать территории, близкие ландшафтно территориям их выселения. Переносились стереотипы пространственного поведения, менявшиеся по мере освоения новой территории.

Итак, специфика образов путешествий - взаимодействие с образами территорий на маршруте путешествия. Рассмотрим структуры этих образов.

Структуры образов путешествий

Путешествие чаще всего являет масштабный и структурированный образ. Продуманное, целенаправленное осуществленное путешествие - разветвленная сумма родственных образов. В географических образах путешествий происходят смещения образных слоев, вытеснение старых и появление новых. Часть старых слоев "срезается" новыми, слои выстраиваются лесенкой, повторяя образное восхождение путешественника. Формируется калейдоскоп, целые "карточные колоды" образов. Ни одна карта-отдельный образ не является единственным истинным образом путеше-

ствия. Первоначальные морфология и структура образа по ходу путешествия трансформируются. Такой процесс похож на "бриколаж" мифа по К. Леви-Стросу: ни одна версия мифа не является истинной, лишь вместе они образуют полное образное поле мифа [13]. Образы путешествий, отвергая "отработанные" слои, делаются бесконечными, отражаются друг в друге, налагаются друг на друга. Эти образы напоминают бесконечный ряд нацеленных друг на друга зеркал. Пространство в итоге уходит полностью в географию, усваивается ею в виде образов, "рассасывается" без остатка. Такие структуры образов путешествий заставляют подробнее рассмотреть проблему соотношения процедур наблюдения, онтологического статуса путешественника и путешествий как таковых.

Процедуры наблюдения и путешествия: социальные аспекты. Путешествие как акт репрезентации и интерпретации должно рассматриваться в культурно-географическом контексте и прямо зависит от структуры процедур наблюдения. Здесь обращу внимание на упомянутое выше исследование М.Б. Ямпольского "Наблюдатель. Очерки человеческого видения" (М., 2000) - фундаментальное исследование на стыке социо-культурной географии и геокультурологии. Анализируя эволюцию структур человеческого видения, автор затронул ключевые концептуально точки этих областей знания. Исходная энергетика исследования - попытка увидеть геокультурные пространства как автономные потоки образов, связанных с позицией наблюдателя.

Классическое зрение древности бесконечно фиксирует последовательные позиции наблюдения, добываясь тщательной проработки деталей. Но методологическая надежность этих позиций снижается с возникновением образов, репрезентации и интерпретации которых опирались на возможности быстрого расширения пространства видения. Попытки живописцев XVIII-XIX вв. сохранить в произведениях классические и новые принципы видения столкнулись с невозможностью фиксации позиции наблюдателя. Наблюдатель постепенно расставался со своей субъективностью [9, с. 267]; его тело становилось частью репрезентируемых и интерпретируемых образов [9, с. 284]. В сущности, трансформация в том, что наблюдатель перестал себя центрировать. Центр мира (позиция наблюдения) "на глазах" превращался в пустоту [9, с. 230]. Что требовалось для бесконечного расширения глаза человека? Формируемые в процессе видения культурные ландшафты: вулканы, облака, водопады [9, с. 101, 67, 188] стали восприниматься как мощные, плотные и интенсивные (самодостаточные) геокультурные образы. Они могли мигрировать, путешествовать в собственных пространствах. Наблюдение водопадов в XIX в. часто воспроизводило сакральную географию Египта. Описание вулканов сопровождалось экспансией световых зрелищ, разрушавших перегородки между внутренними и внешними пространствами и т.п.

Ямпольский показал опыты художников, писателей, философов, критиков, режиссеров, архитекторов в борьбе "за пустоту", их побеги в растворяющее их пространство. Максимальная прозрачность пространства, отождествление пространства с тотальным наблюдением и исчезновение позиции наблюдателя становились канонами нового зрения [9, с. 113]. Среди "героев" такого наблюдения - Ж.-Ж. Руссо и Л. Пираделло, Р. Руссель и В. Шеербарт, В. Хлебников и Ж. Эпштейн, А. Жарри и А. Бергсон. Происходит распад идеи внутреннего пространства (проекты стеклянного города Шеербарта и Хлебникова [9, с. 152]), образы мира становятся внешними, создавая расширяющуюся сферу [9, с. 242].

Насколько этот геокультурный переход изменил идеологию путешествий, традиционного средства накопления культурных впечатлений и интерпретации образов? Передвижения с высокой скоростью в XIX-XX вв. [9, С. 244] привели к тому, что путешественник (в терминах баллистики) преобразился в физическое тело, окутанное облаком растворяющих его образов. Онтологичность его статуса стала окончательной и бесповоротной, состояния путешествующего воспринимаются теперь как конкретные и бесспорные образно-географические стратегии. Всякий раз, выезжая из определенного места, путешественник движется к нему же (вспомним Венечку

Ерофеева), посредством интерпретируемых образов пробиваясь к несуществующему центру, отторгнутому периферии.

Что происходит со временем наблюдения? Первоначально художники-пейзажисты пытались вписывать временные трансформации в структуры холста. В его пространстве состояния неба, игр света перетекали одно в другое [9, с. 102]. В художественных, философских, архитектурных опытах время "сцепляется" с пространством. Это значит: культура создает себе время посредством пространства. Всякая устойчивая культура есть геокультура. Географические образы нависают над культурной, исторической эпохой, в то же время обволакивая само время. То есть, в известном смысле время - геокультурный образ, итог наблюдения земного пространства.

Образы страны и образы путешествия в структуре образов путешествия могут играть существенную, но часто не доминирующую роль. Здесь возможны следующие варианты. 1) Литературные путешествия (напр., "Сентиментальное путешествие по Франции и Италии" Л. Стерна, "Записки русского путешественника" Н. Карамзина и вся традиция путевых записок эпохи сентиментализма [14]). Первоначальная психологическая и социокультурная установка бывает столь сильна, что замещает реальное путешествие цепочкой геокультурных образов, характеризующих местность через состояние героя/автора произведения. Сюда же отнесу пограничный жанр - дневниковые записи, в которых город, страна в ходе путешествия служат "театральной сценой" переживаний и интеллектуальных метаний автора. Пример - "Московский дневник" Вальтера Беньямина. 2) Образ путешествия моделируется сначала на метауровне. Местность или страна выступают здесь как экспериментальное образно-географическое поле. В ходе путешествия (вымышленного, реального) нарабатываются образно-географические признаки ("аксессуары"), а итоговый образ путешествия впитывает в себя родовые образно-географические признаки осмысленной территории. Так, пространство романа А. Платонова "Чевенгур" есть образно-географическое поле, служащее метаобразу культурных путешествий героев романа.

В ряде случаев надо говорить о географии личности, складывающейся из анализа наследия, путевых записей и писем. Таков пример русского поэта и литературного критика XIX в. Аполлона Григорьева. Его "Письма" поражают взлетами и падениями - художественными и бытовыми (пьянство и беспутство - неискоренимые черты его характера). Мощь образов писем Григорьева - в географии его судьбы, в географии поэта. Он сознает себя сыном Поволжья, сравнивает себя с Фетом, порождением орловской Украины, мечтает о книге "Глушь", куда войдут заграничные странствия, первое странствие по России, "жажда старых городов", Волга, Петербург, "любовь-ненависть к Москве", - "вся моя нравственная жизнь" [15, с. 271]. Ключ к жизни и письмам Григорьева - путешествия, в которых он осознавал географические образы, они управляли им. Дорога владела им: "Знаешь, когда я всего лучше себя чувствовал? В дороге. Право, если бы я был богат, я бы постоянно странствовал. В дороге... ты в руках Божиих, а не в руках человеческих" [15, с. 263]. Вынужденность его путешествий превращала их в бегство от себя, восторги и образы новых мест сменялись проклятиями в адрес страны, города, народа. Москва, Петербург, итальянская "вспышка", "набег" на Оренбург - важные вехи-образы поэта. Метания между двумя столицами сменились Италией, Италией вынужденной, но от этого не менее прекрасной. Славянофил по натуре и долгу службы, Григорьев не преминул преобразить итальянские впечатления в масштабный образ Запада: "...на Западе, что ни человек, то и специалист - от того-то здесь люди и представляются мне все маленькими, маленькими муравьями, ползающими с мелочной работою по великим, громадным памятникам прошедшей жизни. От этого-то зрелища я и хандрю ядовито - ибо обаяние камней одно не питает душу" [15, с. 168]. Италия для него - море, великие картины и памятники культуры и истории, она вся - великое европейское прошлое. Флоренция, Венеция, Рим - декорации очередной любовной драмы поэта. Посреди флорентийского карнавала этот изгой, изгнанник, чужак мог стать хладнокровным и самоуверенным экзистен-

циалистом А. Камю. Культурно-исторический background - вот что ищет он в создаваемых образах. Он разбил свою жизнь на отрезки географии, где города и страны - знаки состояний его души [напр., 15, с. 210]. Оренбург - его надежда на спасение, на отделение судьбы от географии, жизни - от географических образов, владевших ей. Однако: "Кругом - глушь и степь, да близость Азии" [15, с. 125]. Оренбург стал крахом надежд. Последовали возвращение в столицы, имитация активности, агония.

Устойчивые, яркие геокультурные образы часто - продукт случайных текстов, заметок, картин. Незаметные создатели, они могут существовать, не влияя на геокультурную панораму. Оживление внимания к ним (издание, выставка) может стать началом образных геокультурного "взрыва", "ядерной реакции", меняющих структуру интерпретаций картины мира.

Трансграничные образы

Образы путешествий создают самостоятельный класс образов - "трансграничные образы". Это образы, которые заранее моделируются на метауровне их восприятия и осмысления. Путешествие мыслится как "безразмерный" единственный способ адекватного представления географических знаний и информации. Образ русской Италии связан с моделированием условного метапутешествия, состоящего из текстовых фрагментов литературного, эпистолярного, мемуарного, живописного, графического характера, связанных воедино на уровне анаморфированного геокультурного (образно-геокультурного) пространства "Россия - Италия" [16]. Технологии моделирования трансграничных образов, по-видимому, являются вариантом образно-географического моделирования. Но перевод образа путешествия на метауровень позволяет учесть естественную динамику самих образов. В этой связи классический тип путешествия - образовательное заграничное путешествие, формирование образа России в "европейском путешествии" американца в 1850-1880-х гг. [17].

В XIX в. образованный американец считал долгом совершить "путешествие в Европу". Россия была обязательным номером программы, лишь ее элементом, иногда предметом главного интереса. С 1850-х годов Россия заняла внимание любознательных американцев. Сюда едут дипломаты, журналисты, писатели, ученые. Образ России обретает в глазах американцев "плоть и кровь", перестает быть стереотипом в духе "белого медведя под клюквой" [17, с. 118-140]. Формирование образов страны связано с тем, что они вынуждены "смотреться" сквозь и/или в другой образ. Страна должна видеть другую страну, формировать ее образ, чтобы осознать, увидеть собственный. Демократизм, фамильярность и деловитость американцев получили в России достойные полюса в виде косности, нерасторопности и чопорности разных слоев общества. Американец Нокс отмечал: "Путешествующий по России слышит 'Si chass' по несколько раз за день... Дословный перевод 'Si chass' - 'этот час', и, возможно, именно этим объясняется тот факт, что на выполнение самого простого требования нередко уходит действительно час" [17, с. 241]. Плохое знание России могло обрести в этих путешествиях дополнительные аргументы. Тогда образ России сочетал мелкие факты, питавшие давние стереотипы морозной зимы, водки и бани [18, с. 203-282].

Может показаться странным, что американский образ России 1850-1880 гг., при всех лубочных недостатках, был живым и простым, даже надежным. Он эксплуатировал прочные макро-образы (прежде всего Запад/Восток, причем последний явно преобладал), помогавшие восприятию России. Москва, "чисто русский город", олицетворяя Россию и Восток, заслоняла европейский и западный Петербург [18, с. 251-261]. Московская, русская экзотика надстраивалась над готовой образно-географической базой, ложилась "кирпичиками" в слегка измененные образы далекой, снежной страны. Дружественные отношения России и Америки в тот период могли облагородить крепко сколоченный образ России, но не действовали на него кардинально.

Данный пример показывает сложность и неоднозначность геокультурной динамики, репрезентируемой и интерпретируемой в заграничном образовательном путешествии. Оно, как элемент образа жизни, способствовало созданию образов страны, часто закрепляя стереотипы. Идеальное путешествие оперирует "обкатанными" образами, остальное - стиль путешественника. Образ страны может "формоваться" из стереотипов и парагеографических элементов (чаепитие, трактир, крепостные), но его единство и действенность могут иметь иностранное происхождение.

Образы путешествий в русской литературе

Через путешествия география видит, описывает себя. Путешествия - это письмо в движении, порождающее образы стран, городов, местностей, проникающие в литературу, изменяя ее. Литература в свою очередь создает жанры и каноны, - рамки осознания образов путешествий.

Роль путешествий в русской литературе переоценить невозможно [19]. Посредством литературных произведений (и текстов, ставших таковыми) Россия осознавала и осмысляла огромные, слабо освоенные пространства. Русская литература развивалась, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге по пыльным проселкам и трактам. Отсюда важность для ее понимания путевых заметок, писем, очерков, дневников. Путешествия трансформировали классические формы романа, повести и рассказа: сюжеты часто "нанизываются" на целиком (частично) вымышленные путешествия. Блестящую коллекцию подобной русской классики образуют "Мертвые души" Гоголя с эпигонским "Тарантасом" В. Соллогуба, "Чевенгур" Платонова, "Лолита" Набокова, "Москва-Петушки" Венедикта Ерофеева. Путешествия рождали произведения, превосходящие по мощи путевые дневники и письма. "Письма русского путешественника" Карамзина еще принадлежат эпохе сентиментализма и многим обязаны Стерну (как и последующие подражания). Радищев с "Путешествием из Петербурга в Москву", Гончаров с «Фрегатом "Палладой"» и Чехов с "Островом Сахалин" превратили путешествие в особый жанр и способ самопознания литераторов. Маршрут Радищева стал сакральным.

Есть два по значению для русской литературы типа путешествий: 1) сюжетный тип, меняющий структуру литературных форм, 2) жанровый (установочный) тип, меняющий мировоззренческую структуру литературы. Чистоту типологии нарушают труды путешественников и географов (чаще всего в Центральную Азию, Сибирь и на Дальний Восток): Пржевальский, Грумм-Гржимайло, Потанин, Певцов, Козлов и др. Влияние их описаний скорее стилевое. Набоков в романе "Дар" не скрывал его, и роман живет чувством пути, присущим великим русским путешественникам.

Как проникали образы путешествий в толщу русской литературы, меняя ее образ? Предварительно отмечу, что это проникновение вело, как правило, к росту мощи литературных произведений. Выделяются три основные эпохи: до начала XIX в. (условно - допушкинская), с начала XIX в. до 1910-х годов, с 1910-х годов по настоящее время. В допушкинскую эпоху путешествие - это сухая опись путевых столбов, яств на столах и экзотики ближних и дальних стран [20]. Афанасий Никитин - редкое исключение. Путешествие проходит с полужакрытыми глазами; само письмо еще не умеет хорошо двигаться.

Золотой век путешествий в русской литературе делится на две части. 1800—1830 годы характерны ростом путевых описаний, выполняемых журналистскими и литературными средствами. Это эпоха экспансии. Прежде косноязычная, русская литература обрела язык, голос, цвет. Одновременно с расширением территории империи появляются произведения литературы, осваивающие новые районы и страны. Задал тон Пушкин "Путешествием в Арзрум". Завоевание Кавказа породило жанр повестей и рассказов, особенно кавказские повести Бестужева-Марлинского. Заграничные походы русской армии 1813-1815 гг. оживили интерес дворянской элиты к политике и культуре стран Европы. Она становится предметом литературных описаний [21]. Позднее пишутся романы Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гончарова

(попутно они описывали образы стран пребывания). Возник жанр описаний путешествий в Св. Землю (Палестина), не ставших событиями литературы [22].

Вторая часть золотой поры путешествий - 1840-1910-е годы. В 1840-х годах русская литература начинает осваивать все богатство путешествий. Основой стал жанр "физиологических" очерков нравов, быта городов и местностей России (здесь успел отметить Лермонтов очерком "Кавказец"). Появились профессионалы очеркисты и писатели, отдавшие себя путешествиям, их "физиологии", запахам пространства и т.п. Одним из пионеров этого жанра был поэт, переводчик и публицист Александр Ротчев [23]. Классика жанра - произведения В. Боткина ("Письма из Испании"), С. Максимова, Влад. Немировича-Данченко, Е. Маркова. Наибольших успехов достиг к началу XX в. Василий Розанов, чьи очерки о Волге ("Русский Нил"), о путешествиях в Италию, Германию, на Кавказ до сих пор читаются на одном дыхании [24]. Не уступал ему его ученик по Елецкой гимназии М. Пришвин с очерками о русском Севере. Жанр дожил до XX в., утратив, правда, былые позиции. В советское время романтику жанра сумел сохранить К.Г. Паустовский.

Золотая пора путешествий в русской литературе - это и авантюры, экзотика, романтика. Ряд описаний рождался в результате головокружительных путешествий, иногда непреднамеренных. Таковы описания Александра Ротчева. В допушкинскую эпоху отличился купец Ефремов, попавший в плен в киргиз-кайсацких степях [25]. "Арабескный", авантюрный стиль письма хранили Осип Сенковский в 1840-х годах, а к концу эпохи - Н. Гумилев, путешествовавший в Африке и написавший ряд поэтико-географических циклов. Вынужденные путешествия (ссылка) стали источником описаний заснеженных пространств Северной Азии. Начатые Радищевым, декабристами поездки в Сибирь стали культовыми для писателей и очеркистов.

Примерно с 1910-х годов наступает новая эпоха взаимоотношений русской литературы и путешествий. Теперь путешествие означает внутренний поиск, эксперимент с литературным письмом, иногда с собственной жизнью. Образы путешествий переходят внутрь литературы: А. Белый, В. Хлебников, О. Мандельштам, А. Платонов и Б. Пастернак подчиняют литературный ритм ритму путешествий. Белый и Мандельштам счастливо совпали в описаниях Армении. В заметках "Читая Палласа" Мандельштам уловил структуры, основы путевого письма. Хлебников буквально поставил свою жизнь на географическую карту - случай геолитературы. Ранние проза и поэзия Пастернака дышат образами пути. В романе "Доктор Живаго" поэт связал судьбы героев с путешествием на Урал. Традицию во второй половине XX в. продолжил Иосиф Бродский. Ряд его стихотворений и эссе - это перетекающие образы Петербурга, Венеции, Крыма, Англии, Америки.

Как русская литература воспринимала географические образы путешествий? В золотую пору путешествий она любила их "по-детски": яркость пейзажей, ландшафтов, зарисовки бытовых сценок и нравов - это, скорее, натуралистическая живопись, этнографическое кино. Оживляли картину сравнения политики и культуры России с другими странами - особенно если путешественник был западником или славянофилом (описание Лондона А.С. Хомяковым). Зарождается интерес писателя к путешествию как возможности осмыслить свою жизнь и собственную страну. Если писатель эмигрировал, превращение интереса становилось просто необходимым. "Замогильные записки" Печерина, мемуары и письма Герцена подтверждают, что их путешествия по России отражены в путешествиях по Европе.

К концу XIX в. "детская любовь" русской литературы к путешествиям проходит. Образы путешествий уходят в детство и юность мемуаров, романов, рассказов русских писателей. Сохраняя часть экзотики, странствия детства и юности как сквозь увеличительное стекло оценивают жизненный путь героя. Отсюда разноцветье, "субъективность", жестокость *postfactum* путевых описаний. Срабатывает эффект "фотовспышки". Географические образы олицетворяют повороты судьбы в ранних рассказах Горького, мемуарах Короленко, "Жизни Арсеньева" Бунина, "Повести о жизни" Паустовского.

Впустив в себя образы путешествий, русская литература не могла не измениться. После Хлебникова, Мандельштама, Платонова географические образы стали естественным литературным средством выражения отношения к миру. Путешествие стало удобным литературным приемом и мощной литературной метафорой. Книги П. Вайля и А. Гениса, В. Аксенова, А. Битова и В. Пелевина подтверждают это. Реальные местности и страны могут перемешиваться с выдуманными, пространство и путь часто являются самостоятельными героями, определяют сюжеты. Путешествие само по себе, как образ-архетип, вошло внутрь литературы, став основой почти всех литературных жанров.

Путешествия: реальность и образ. Вместо заключения

Когда статья была закончена, в библиотеки России поступил июньский номер журнала "Международная социология" (International sociology) за 2001 г., целиком специально посвященный туризму - под редакцией профессора университета Беркли, Калифорния, США, Нельсона Греберна. Приводимая в статье библиография по "социологии путешествий" впечатляет разнообразием интересов и объемом. И это соответствует радикальным переменам в этой сфере социальных практик: скорости перемещения, масса мигрантов, "сжатие пространства" и др. Не говоря о кино-, теле-путешествиях, виртуальных миграциях во всемирной сети. Перспективы здесь в рассматриваемом аспекте пока лишь угадываются. Соответственно и мощь воздействия путешествий на общество будет расти. Взаимодействие наук об обществе в этой сфере растет соответственно.

Социальные практики путешествий могут радикально менять картины мирового развития. Устойчивые пред-образы (до путешествия) региона/страны недостаточны для информации, воспринимаемой и получаемой во время путешествия. Множество фрагментарных новых образов формируют новые образно-географические поля. Стереотипы страны, народа, его обычаев и традиций, политического и экономического развития рушатся. Возникает "анфилада" комнат, сквозная перспектива, невозможная до путешествия. Контрастность картины резко увеличивается. Путешествие - ряд образно-географических "точечных вспышек", приводящих к развалу попыток продуцировать единые картины мира. Рефлексия путешественника обретает плоть и кровь. Образы путешествий включаются в процедуры топообразности и геотопики, прорисовки новых карт социальных географических образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. От паломника к туристу // Социол. журнал. 1995. № 4; *Сандомирская И.И.* Новая жизнь на марше. Сталинский туризм как "практика пути" // *Общественные науки и современность.* 1996. № 4. С. 163-172; *Белкин М.* Зачем и за чем? Путешественник и турист в исторической перспективе // Интеллектуальный форум. 2000. № 1; *Wallace E.* The Great Reconnaissance: Soldiers, Artists and Scientists on the Frontier, 1848-1861. Boston, 1955; *Massingham H. & P.* The Englishmen Abroad. L.. 1962; *Trease R.G.* The Grand Tour. L.. 1967; *Rowling M.* Everyday Life of Medieval Traveller. L., 1971; *Clifford J.* Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, Mass., 1997; *Bauman Z.* Postmodernily and Its Discontents. Cambridge. 1997; *Sandomirskaya I.* "Proletarian Tourism": Incorporated History and Incorporated Rhetoric // *Soviet Civilization between Past and Present/* Ed. by *M. Bryld and Kulavig.* Odense, 1998.
2. См.: *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (46). С. 255-275.
3. *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. М.. 1998.
4. *Плигузов А.И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.: Ньютонвилль, 1993.
5. См.: *Флоренский П.А.* Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях // *Он же.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.. 2000. С. 81-259; *он же.* Значение пространственности // *Там же.* С. 272-274; *он же.* Абсолютность пространственности // *Там же.* С. 274-296; *он же.* Обратная перспектива // *Он же.* Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 175-183.
6. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М.. 1999.

7. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 102-114; *он же.* Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 234-248; *он же.* Искусство и пространство // *Он же.* Время и бытие. М., 1993. С. 312-316; *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб, 1999. С. 312-384 и др.
8. См.: *Бурстин Д.* Американцы: Национальный опыт. М., 1993; *Петровская ЕВ.* Часть света. М., 1995; *Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History // Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin. 1894. № 41. P. 79-112; *Idem.* The Frontier in American History. N.Y., 1920; *Webb W.R.* The Great Frontier. Austin, 1964; *Taylor G.R.* (ed.). The Turner Thesis: Concerning the Role of the Frontier in American History. NY, 1966; и др.
9. *Ямпольский М.Б.* Наблюдатель. Очерки истории видения. М., 2000; *Он же.* О близком (Очерки немиметического зрения). М., 2001.
10. *Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность.* 2000. № 1.
11. *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999.
12. См.: *Строен А.* Россия глазами французов // *Логос.* 1999. №8(18). С. 19.
13. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
14. *Маслов В.И.* Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начала XIX вв. // Историко-литературный сборник, посвященный В.И. Срезневскому. Л., 1924; *Роботи Т.* Литература "путешествий" // *Русская проза.* Л., 1926; *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* "Письма русского путешественника" Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 561-563, 573-574, 577.
15. *Григорьев А.* Письма. М., 1999.
16. См. напр.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. М, 2001; *он же.* Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001.
17. *Павловская Л.В.* Россия и Америка. Проблемы общения культур. М., 1998.
18. См. напр.: *Путевые записки итальянских путешественников XIV века // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации.* М., 1982. С. 9-113 (столкновение и взаимодействие образов христианского Запада и исламского Востока в ходе паломничества в Святую Землю).
19. См., напр.: *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 579-597; *Малето Е.И.* Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников XII-XV вв. (по материалам хождений) // *Россия и внешний мир: диалог культур.* М., 1997; *он же.* Хожения русских путешественников XII-XV вв. М., 2000; *Мирский Д.С.* История русской литературы. С древнейших времен до 1925 года. Л., 1992.
20. См., напр.: Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954; Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697-1699. М., 1992; Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. Выпуск I. М., 2000; также: *Травников С.Н.* Путевые записки петровского времени (Проблемы историзма). М., 1987.
21. См.: *Эйдельман Н.Я.* Быть может за хребтом Кавказа: (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990; *Сопленков СВ.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М, 2000.
22. *Сирия. Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века.* М., 1991.
23. *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. М., 1991.
24. *Розанов В.В.* Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899-1913 гг. М, 1994.
25. См.: *Ефремов Ф.С.* Девятилетнее странствование. М., 1952.